

Ту Муюань был одним из тех немногих.

Когда Хэ Ицзянь проснулся, Ту Муюань всё ещё спал.

Он явно не спал прошлой ночью, и его бледная кожа подчёркивала синяки под глазами. Хэ Ицзянь смотрел на него, долгое время не имея никаких мыслей в голове.

Ту Муюань...

Действительно хороший человек.

Нет, в этот момент давать ему «карточку хорошего человека» было бы концом. Как главный герой этой ситуации, Хэ Ицзянь чувствовал, что должен держать себя в руках, даже если он умрёт, он не позволит Ту Муюаню умереть.

Снаружи закат почти полностью исчез, и пустая половина комнаты была покрыта лёгким золотым светом, сложно наложившим на взгляд человека эмоциональный отблеск, словно оставив в времени пустые и холодные осколки света.

Почему-то его грудь внезапно сжалась.

Он крепко обнял Ту Муюаня, начал тереться о него по-разному, и вскоре разбудил его.

Ту Муюань открыл глаза, подумав, что что-то случилось, пока он спал, и быстро сел, беспокойно похлопывая Хэ Ицзяня по спине.

— Что случилось?

Хэ Ицзянь покачал головой, обнял его за талию и уткнулся лицом в его грудь.

— Мне плохо на душе.

— Отчего тебе плохо? — Ту Муюань был и обеспокоен, и сбит с толку.

Хэ Ицзянь тоже не понимал, что с ним произошло. Проснувшись, он увидел пустую комнату, стены, пол, мебель, всё было покрыто остатками заката, и он почувствовал себя предельно одиноким, словно у него ничего не осталось.

Сейчас, обнимая Ту Муюаня, он вдруг почувствовал себя лучше.

Он шмыгнул носом, закрыл лицо руками и изо всех сил стёр все эмоции.

— Хочешь послушать музыку? Я сыграю тебе на пианино.

Ту Муюань: «...»

Он не совсем понял связь между этими вещами.

— Я должен идти домой, Ицзянь.

Ту Муюань погладил Хэ Ицзяня по затылку, и тот посмотрел на него взглядом брошенного котёнка.

Ту Муюань не смог устоять и продолжил:

— Соберёшься и пойдёшь со мной?

— Нет.

— ... Почему ты не можешь жить со мной?

— Потому что ты пекинец, а я из Чжэцзяна.

— Хэ Ицзянь, веди себя серьёзно.

В комнате повисла тишина, и Хэ Ицзянь спросил:

— Когда ты вступаешь в съёмочную группу?

— Через пару дней.

— Сегодня обязательно уходить? — снова спросил Хэ Ицзянь.

Он снова начал избегать темы, и, заметив это, Ту Муюань отвернулся и вздохнул.

Он знал, что Хэ Ицзянь избегает его чувств, но всё же мог относиться к нему с полной нежностью.

— Если ты не хочешь, чтобы я уходил, я останусь.

Хэ Ицзянь сжал губы и крепче обнял Ту Муюаня.

Влюбиться первым — это настоящее мучение.

Он чувствовал себя разрываемым противоречиями, ведь Ту Муюань был сложным человеком, в прошлой жизни и в этой, в глазах других он был цветком на высокой горе, который можно лишь созерцать издалека.

Но этот высокомерный и честный человек так отчаянно хотел погибнуть в его болоте.

Хэ Ицзянь почувствовал, что его негативные эмоции зашли слишком далеко, и встряхнул головой, посмотрев на Ту Муюаня взглядом, словно на мать.

Не будь подлецом, нельзя быть подлецом.

Благодаря этому человеку его, машину уныния новой эпохи, не разорвало на части.

Ту Муюань приготовил две порции лапши, они поели, потом вышли прогуляться, а затем вернулись и вместе посмотрели фильм на компьютере.

Глубокой ночью Хэ Ицзянь уснул на коленях Ту Муюаня, третий старый фильм всё ещё шёл, Ту Муюань смотрел на его спящее лицо, в его глазах были глубокие и спокойные чувства, с примесью привязанности и одержимости.

На следующий день Хэ Ицзянь проводил Ту Муюаня. Он смотрел, как тот загружает багаж в машину, и, прежде чем тот сел за руль, с улыбкой помахал ему.

Нежелание Ту Муюаня уезжать заставило Хэ Ицзяня заставить себя улыбнуться ещё шире. Он стоял и смотрел, как Ту Муюань исчезает из виду, сначала вздохнул с облегчением, а затем

посмотрел на небо.

Зелёные листья слегка прикрывали голубое небо, белые облака медленно плыли по нему.

Прожив в упадке полгода, пора начинать новую жизнь.

Хэ Ицзянь провозился в комнате какое-то время, собрал свои вещи и тоже собрался уходить.

В общем, сначала вернусь в родной город и временно обоснуюсь там. В прошлой жизни Хэ Ицзянь развивался в Пекине, этот город нёс в себе слишком много его чувств, и на этот раз он просто хотел уехать отсюда.

Около десяти утра Хэ Ицзянь вышел, чтобы уволиться с подработки. Он выбрал длинный путь до автобуса, побродил снаружи до восьми вечера, вернулся с лёгким сердцем.

Некоторые заплатили ему за работу, другие попросили закончить месяц перед расчётом. Тех, кто был неповоротлив, Хэ Ицзянь просто отпустил без оплаты, ведь он увольнялся в спешке и доставлял им неудобства.

Вернувшись, он купил билет на завтра на одиннадцать утра из столичного аэропорта в родной город, переночевал один, а на следующее утро поспешил в аэропорт.

Он чувствовал, будто бежит, убегая от преследования этого города или, может быть, от преследования судьбы. Хэ Ицзянь никого не предупредил, ведь, по сути, единственным, кого он мог бы предупредить, был Ту Муюань.

Это чувство — оборвать все связи и легко взлететь в небо — было великолепно. Хэ Ицзянь наслаждался этим чувством неопределённости, ведь это хотя бы означало, что он не повторит ошибок прошлой жизни.

После смерти родителей их дом остался пустовать. У Хэ Ицзяня не было бабушек и дедушек, дальние родственники с обеих сторон пытались претендовать на дом, но в итоге он нанял юриста, чтобы продать наследство, оставленное родителями. В девятнадцать лет он поступил в университет и один, с деньгами, уехал учиться в Пекин.

Пекин дорог, и на данный момент у Хэ Ицзяня ещё оставались деньги, но их было немного, хватило бы на пару лет без работы.

Определённо нужно было найти дело. Хэ Ицзянь не был против войти в шоу-бизнес, но и не был особенно увлечён этим. Ху Вэньмо, который в прошлый раз предлагал ему заняться стримингом, тоже был в списке его вариантов. Или можно пойти в учебный центр преподавать пианино.

В общем, он пока не мог найти в себе энтузиазма к жизни.

... Это было слишком уныло.

Хэ Ицзянь снял номер в отеле, не зная, чем заняться, и просто лёг отдыхать.

Он бесцельно просматривал сайты с недвижимостью, бездельничал до заката, когда из-за штор просочился тёплый свет. Хэ Ицзянь смотрел на щель между шторами, думая, когда бы съездить посмотреть на дом.

Около пяти часов позвонил Ту Муюань.

Хэ Ицзянь перевернулся, взял трубку и поднёс её к уху.

— Алло, Лао Ту, что случилось?

На том конце было тихо, Ту Муюань спокойно сказал:

— Давай сегодня вечером поужинаем вместе.

— Не могу, я вернулся в родной город, сейчас в Ханчжоу, в следующий раз.

Ту Муюань замолчал на мгновение, его голос стал печальнее:

— Почему ты не сказал, что уезжаешь?

— Лао Ту, это моя личная проблема, извини. Сейчас я не хочу развиваться в Пекине, поэтому просто вернулся.

— Ты не сказал мне, потому что боялся, что я повлияю на твой выбор?

— Нет... Я просто немного пошутил, не хотел говорить, ведь провожать кого-то действительно тяжело.

Хэ Ицзянь знал, что не сможет выдержать взгляд Ту Муюаня, полный чувств, в момент прощания, но он действительно не хотел оставаться там дальше.

Ту Муюань понял, что Хэ Ицзянь принял решение, и больше не стал его упрекать.

— Когда устроишься, позвони мне, не заставляй меня слишком волноваться.

— Хорошо, спасибо, Лао Ту.

— Не благодари. И ещё один вопрос: какие у тебя планы на будущее?

Этот вопрос попал в точку. Хэ Ицзянь сел на кровати, встал и подошёл к окну, размышляя, открыл шторы.

Он смотрел на город, погружённый в закат, и немного помолчал.

— Сначала найду несколько подработок, а потом посмотрю, как пойдёт.

— Ицзянь, у тебя нет цели?

— ... Нет, всё равно чем заниматься.

— Так нельзя, как можно быть таким равнодушным к жизни.

— Я так устал, даже после сна всё ещё чувствую усталость, Лао... Ту, что мне делать? Наверное, я уже ни на что не годен.

Хэ Ицзянь думал, что он, вероятно, наименее достоин перерождения. У него не было амбиций, он был полным унынием.

— Если у тебя нет цели, может, я найду тебе занятие?

<http://bllate.org/book/16697/1533235>